
РОССИЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК В ПОСТСОВЕТСКИХ УСЛОВИЯХ

Почему мы не любим приезжих?

Л.Д. ГУДКОВ

Основой приводимого ниже анализа служат данные многочисленных массовых и репрезентативных общероссийских исследований, проводимых с 1989 г. Аналитическим центром Юрия Левады¹. Главный сюжет анализа – рост ксенофобских настроений в постсоветской России в связи с действительным или воображаемым притоком в страну большого количества мигрантов.

Когда мы стали не любить приезжих?

Существовавшая в СССР система контроля над социальной структурой общества регулировала не только вертикальную мобильность, любые кадровые перестановки и назначения, но и горизонтальные перемещения социальных групп и даже отдельных людей. Паспортная система, институт прописки (а стало быть – подавление неформального рынка жилья и труда) крайне замедляли, хотя и не останавливали, массовые перемещения людей вне рамок государственно регулируемых потоков.

Открывшиеся к середине 1980-х годов национальные напряжения и конфликты по инерции воспринимались основной, русской, частью населения страны как отдельные локальные эксцессы, ломающие нормальное положение дел в сфере межэтнических или межнациональных отношений, что требовало незамедлительного вмешательства властей для осуждения виновников конфликтов и принятия экстраординарных мер по ликвидации последствий. Для массового сознания – и в России, и в республиках – коллапс советской системы был полной неожиданностью.

В канун распада СССР проблема ксенофобии, враждебного или неприязненного отношения к беженцам и вынужденным мигрантам не стояла в центре общественного внимания. Распад страны еще только предстоял, и картина воз-

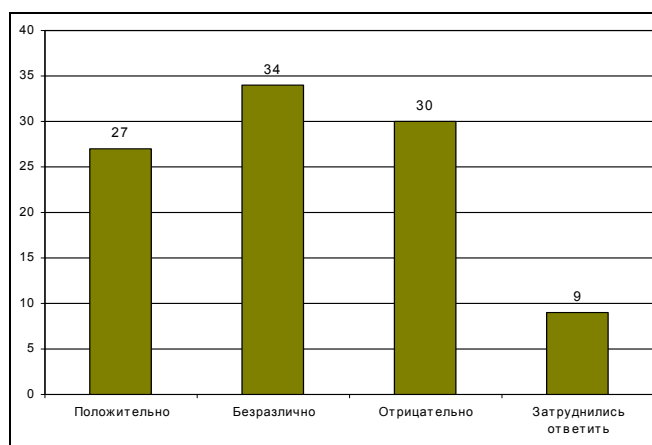
¹ Ранее он назывался Всесоюзным (до 1992 г.), затем – до 2003 г. – Всероссийским центром изучения общественного мнения – ВЦИОМ.

Статья впервые опубликована в электронной версии бюллетеня «Население и общество» Демоскоп Weekly № 231–232, 233–234. Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

можных социальных изменений, равно как и последствия вызванных ими массовых перемещений населения, были еще очень туманными. Поэтому видимая часть миграции опознавалась в конце советской эпохи или рассматривалась обществом прежде всего как поток беженцев или вынужденных переселенцев, ставших жертвами межнациональных столкновений, погромов и резни (имевших место главным образом в Средней Азии или на Кавказе), или нетерпимого к ним отношения со стороны коренного населения, почувствовавшего слабость советской администрации.

Не удивительно, что абсолютное большинство россиян в то время считало необходимым государственную помощь вновь приехавшим как жертвам межнациональных конфликтов, как беженцам из районов межэтнических столкновений. Впрочем, это общее позитивное отношение имело, до известной степени, декларативный характер и было слабо связано с выражением сочувствия или действительным желанием помочь пострадавшим (чем ближе эта проблема касалась самого респондента, тем сильнее были негативные реакции в отношении к мигрантам).

Первые общесоюзные (в том числе и общероссийские) репрезентативные опросы по национальным проблемам, отношения к беженцам и мигрантам показали отсутствие явного негативизма в отношении приезжих, довольно низкий уровень этнической нетерпимости или ксенофобии². Более половины населения России (53% в 1990 г.) осуждали любые выражения этнической неприязни, этнократические претензии тех или иных республиканских элит, оскорбительные «оценки» свойств тех или иных народов и т. п.

Июнь 1990 г., N=1360, Россия

Рис. 1 Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы беженцы селились в вашем городе, селе? (в % к числу опрошенных)

² «В 1989 г. признаки открытой ксенофобии обнаруживало примерно 20% населения СССР, агрессивной этнофобии – около 6–12%. В России эти показатели были заметно ниже средних величин по Союзу в целом. Одновременно можно было говорить о довольно значительном потенциале сопротивления любым формам этнонациональной агрессии и насилия, включая выражения ксенофобии или этнической дискриминации» [Гудков 2002, с. 49–50]. Подробнее об изменении массовых этнических установок см. в статьях автора: [Гудков 1995а, с. 23–27; Гудков 1995в, с. 14–16; Гудков 1996, с. 22–27; Гудков 1998, с. 64–71].

Если судить по характеру распределения мнений, представленного на рис. 1 (а оно близко к делению по третям, т. е. в статистическом плане дифференциация позиций выражена слабо), эти темы еще не волновали общество, не артикулировались на массовом или низовом уровне.

Аналогичный опрос общественного мнения, проведенный несколько месяцев спустя, дал похожие результаты (с учетом разницы в формулировке вопроса и вариантов ответа на него). На вопрос «*Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы беженцы из других районов страны селились в Вашем городе, селе?*» 5% опрошенных ответили – «с одобрением», большая часть – 50% – были бы «не против» (но 30% – «были бы против» и 15% респондентов затруднились с ответом). Этническая принадлежность мигранта в этот момент была непроблематичной³, по крайней мере, на словах: большинство (52% опрошенных) говорили, что национальность в данном случае не имеет значения, однако уже тогда 18% респондентов считали необходимым принимать только людей той же национальности, что и сами опрошенные (т. е. преимущественно русских). Считалось, что и к тем, кто давно живет в России, хотя родом из других республик, и к тем, кто приехал сюда совсем недавно, «люди относятся одинаково» (так заявили 41%, «по-разному» ответили 38% опрошенных). Еще сильна была значимость официально задаваемой нормы «советской», а не «этнической» идентичности. Кроме того, поток мигрантов еще не ощущался как «наплыв»: абсолютное большинство считали, что приезжие (там, где живут опрошенные) – это «пока отдельные люди» (26%) или что «их сотни на Россию» (11%), что их «тысячи» – полагали менее 9%⁴.

Спустя два года ситуация начала меняться. Распад соцлагеря, затем – СССР подорвали структуру советской идентичности и, напротив, актуализировали более примитивные структуры этнической солидарности. С этого времени тематика этнической гомогенности в России начинает все заметней выдвигаться на первый план в публичных выступлениях тех, кто претендовал на общественное внимание. В ситуации усиливавшегося кризиса, нестабильности, дезориентированности акцент на собственной или чужой этнической принадлежности постепенно становился рутинным выражением социальных и групповых барьеров, коллективных привилегий, прав и претензий.

Потоки мигрантов, после некоторого спада или приостановки в критические годы смены режимов, переворотов усилившиеся волнами этнической дискриминации, вытеснения, размежевания, экономического кризиса, а местами – полного промышленного и хозяйственного краха, возобновились, как только в России начал обозначаться восстановительный экономический рост. В Россию потянулись люди, мотивированные прежде всего экономическими интересами, проблемами выживания, безработицей, перенаселением, в меньшей степени – межнациональными конфликтами или военными действиями на Кавказе. По-

³ На тот момент абсолютное большинство населения страны идентифицировало себя в качестве граждан СССР, а не той республики, где они жили (кроме Прибалтики).

⁴ Анализ собственно миграционных процессов в эти годы см. в работах Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской, в многочисленных сборниках статей, документов и материалов различных конференций и семинаров, выходящих под их редакцией. Из самых последних работ заслуживает особого внимания монография В. Мукомеля [Мукомель 2005].

степенно мигрантов перестали воспринимать как вынужденных переселенцев, для которых в прежних местах проживания сложились невыносимые условия.

Эта миграция, в отличие от предыдущих волн, проходила в существенно новых условиях: во-первых, если не исчезли, то во всяком случае резко ослабли ограничения, связанные с пропиской (особенно в первой половине 1990-х годов, сразу после краха советской системы). Во-вторых, благодаря реформам возникли рынки труда и жилья, достаточные для того, чтобы открылись возможности для совершенно новых форм профессиональной деятельности, ранее преследуемой и наказуемой, и соответственно дополнительной занятости – частного предпринимательства, торговли, обслуживания, мелкого производства и т. д. При спаде промышленного производства в России, трансформации структуры занятости (значительном сокращении рабочих на крупных предприятиях, быстром развитии сектора обслуживания и торговли), сокращении социальной сферы шансы местного населения влиться в новые сферы экономики оказались не настолько отличными от шансов мигрантов, чтобы обеспечивать постоянным жителям гарантированные социальные преимущества⁵. Важнее оказывались различия в тактиках адаптации и поиска выходов из кризиса. Во многих случаях решающее значение имели культурные и традиционные факторы: предприимчивость, престиж занятий торговлей, опыт авантюризма и выживания, отсутствие привычных представлений об иерархии профессий и занятий, слабость или незначимость привычных норм государственного патернализма и т. д.⁶ Добавим, что к середине 1990-х годов, когда завершилась череда разнообразных кризисов, массовых потерь и снижений жизненного уровня (в 1990, 1992, 1994 гг. и т. д.), стал отчетливо обозначаться феномен аккумуляции приезжих в столицах и крупных городах, т. е. там, где имелись условия для работы или новых форм деятельности.

Хотя в абсолютных масштабах миграция год от года уменьшалась, но удельный вес приезжих в российских городах постоянно увеличивался, т. е. росла сама масса новоприбывших, успешно адаптировавшихся благодаря известной свободе рыночных отношений. На фоне довольно консервативного и малоподвижного населения⁷, приученного к государственно-распределительной системе, приезжие, заполнив вакансии в стремительно развивающемся секторе

⁵ Во всех современных странах-реципиентах, как показывает опыт, мигранты в первом поколении проявляют гораздо большую активность, работоспособность, честолюбивое желание пробиться, чем постоянное население, пытаясь не просто вписаться в «большое сообщество», но и продемонстрировать окружающим, что они, добившись успеха, усвоили его базовые ценности.

⁶ Для пестрой в этническом плане периферии России ориентация на жесткий государственный порядок, преследование незанятых на госпредприятиях были гораздо менее значимыми, чем для населения средней полосы России, прежде всего – городского. Аграрное перенаселение этих территорий, масштабы латентной безработицы, отсутствие промышленности и соответствующей индустриальной культуры делали неизбежным появление сезонной работы в других регионах; отходничество, шабашные бригады строителей и подобные формы обеспечения существования становились важнейшими предпосылками для адаптации населения этих регионов к новым условиям мигрантской жизни.

⁷ По данным «Мониторинга» (1995 г.), 54% респондентов заявили, что они с момента рождения живут безвыездно в том месте, где их опрашивали.

обслуживания, торговле, малом и среднем бизнесе, частном строительстве, городском хозяйстве, стали видимым элементом прежде одноцветной и статичной в этническом плане социальной жизни в крупных и средних городах. Их шансы приспособиться и добиться успеха в новых условиях были такими же, что и у местного населения, но стимулы – гораздо выше. У них не было надежд на социальные гарантии, на которые продолжали рассчитывать коренные жители (и напрасно, поскольку государство год за годом стремилось сбросить с себя социальные обязательства перед населением).

В такой ситуации мигранты, вынужденные осваивать новые социальные ниши и формы занятости, стали причиной массовых негативных установок: раздражения, фрустрации, особенно у дезадаптированной части населения (составлявшей в разные годы кризиса от трети до половины всего городского сообщества России). И хотя со временем большая часть населения восстановила утраченное, пусть и невысокое благосостояние, пережитые годы породили в массовом сознании устойчивое недоверие к власти, к ведущим государственным институтам, неуверенность и дезориентированность, хроническую тревожность, разнообразные социальные страхи и чувство бессилия, депрессии, комплексы ущемленности и неполноценности.

Все это накладывалось на кризис массовой идентичности после развала СССР. Целостность коллективного (русского, российского) самосознания в это десятилетие могла поддерживаться лишь негативным образом:

а) через сохранение настороженного и подозрительного отношения к внешнему миру – к странам Запада, прежде всего – к США как главному противнику по холодной войне⁸,

б) неприязненного отношения к бывшим сателлитам и республикам СССР⁹,

в) через внутреннюю ксенофобию, разжигаемую враждебностью к мигрантам (в первую очередь – кавказцам) или культурно и социально чужим (например, цыганам).

⁸ Точнее, амбивалентного восприятия их – как воплощения утопии «благополучия, порядка и цивилизованности» и как источника мифической угрозы, функциональная роль которой сводилась к простейшему – «раз американцы играют во всех случаях против нас, значит, в нас есть нечто особо ценное».

⁹ В 1990–1991 гг. показатели этнического негативизма или национальных антипатий выросли до 35–40%, причем лидерами здесь были регионы, переживавшие в тот момент подъем национальной консолидации, например страны Балтии, Украина (главным образом, Западная), Молдавия, республики Закавказья, несколько позднее – Средней Азии. Политические лидеры и ангажированная часть населения этих республик акцентировали свою этническую особенность, социальные, культурные барьеры между разными этническими группами, настаивали на усилении административно-государственных границ, что неизбежно влекло за собой и оживление рутинных этнических предрассудков и общий рост ксенофобии. Реакцией на этот подъем этнического самосознания и национальной консолидации была довольно неумная и неадекватная кампания российских СМИ в середине 1990-х годов и позже, старательно растравлявших все мелкие обиды «старшего брата», от которого отвернулись бедные родственники, по его мнению, перекинувшиеся к богатым заграничным дядям. Такой тон стал привычным и общераспространенным уже в конце 1990-х годов, но особенно – во второй срок президентства Путина, результатом чего стала заметная и устойчивая неприязнь к бывшим республикам СССР, к Грузии, а затем, особенно после оранжевой революции, к Украине, чего раньше не наблюдалось.

Формы негативной консолидации – изоляционизм, подогревание разнообразных комплексов национальной ущербности, компенсаторная ксенофобия и сопутствующие ей суррогатный традиционализм (православие, мифологизированное имперское прошлое), ностальгия по идеализируемым советским временам – восполняют отсутствие позитивных достижений и ценностей в настоящем.

За вторую половину 1990-х годов программные политические идеи открытости «большому миру», приоритета «общечеловеческих ценностей» стали все заметнее исчезать из языка массмедиа, из обихода большинства политиков, а значит, забываться массами. К большинству россиян вернулся поддерживавшийся официальной советской пропагандой комплекс «осажденной крепости», чувство, что весь окружающий мир предвзято и недружелюбно настроен по отношению к России.

Если еще в 1991 г. почти 60% россиян соглашались с тем, что стране в будущем следует «идти по пути развитых страна Запада», то уже в 1994 г. 42% россиян считали, что «Россия всегда вызывала у других государств враждебные чувства», а к началу двухтысячных годов доля согласных с таким мнением выросла до 66%¹⁰. До двух третей российского населения считают, что Россия должна в будущем развиваться по «своему особому пути», хотя никакого реального содержания у этой идеи нет ни в массовом сознании, ни в суждениях политической и журналистской «элиты». Те же две трети опрошенных раз за разом говорят исключительно об отрицательном влиянии западной культуры на жизнь России¹¹.

В 1993 г. около трети опрошенных были убеждены в том, что в социальных бедствиях России повинны нерусские, живущие в стране. Мнение, что люди нерусских национальностей «пользуются в России чрезмерным влиянием», разделяли уже 54% респондентов (несогласных с ним был только 41%), причем существенных различий в ответах людей из разных социально-демографических категорий нет. К этому времени резко усилились представления как о засилье инородцев, так и об угрозе распродажи иностранцам национальных богатств страны, ложившиеся на традиционную почву заговоров, сговоров, тайных сил и организаций, «мафии», составляющие основу этнонациональных комплексов и фобий (элементы этих представлений разной степени интенсивности и выраженности в первой половине 1990-х годов обнаруживают почти 75% опрошенных). По мнению 56% респондентов, реформы и приватизация должны привести к политической и экономической зависимости России от Запада (противоположных взглядов придерживается 44%).

Соразмерно усилению тенденции к изоляционизму и антизападничеству росла и внутренняя ксенофобия. К концу 1995 г. (октябрь 1995 г., N=2400) уже почти половина опрошенных (47%) считали, что миграция превратилась в «большую проблему» российского общества («не очень значительной проблемой» ее считали 26% опрошенных, а 17% вообще не думали, что эта тема заслуживает серьезного обсуждения, или отрицали само существование такой «проблемы»).

¹⁰ Здесь и далее, если не сказано иное, приводятся данные регулярных общероссийских репрезентативных опросов (N=1600, от 18 лет и старше).

¹¹ После переизбрания Путина на новый президентский срок три четверти российского населения посоветовали ему быть во внешней политике как можно осторожней по отношению к Западу.

Тем не менее в середине 1990-х годов, несмотря на ощущение нарастающей «избыточности» приезжих, все еще 22% опрошенных считали, что «власти должны помогать вновь приехавшим с устройством на новом месте», и примерно столько же – 20% – что «они должны помогать им переехать в другие регионы страны», где рабочие руки нужнее и мигранты могли бы быстрее адаптироваться. К концу же первого президентского срока Путина мнения о том, что «приезжих стало слишком много», разделяли уже большинство россиян (рис. 2).

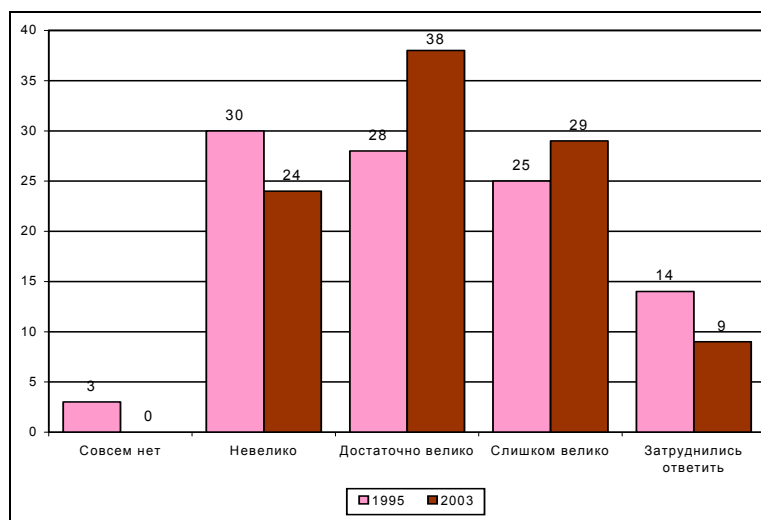

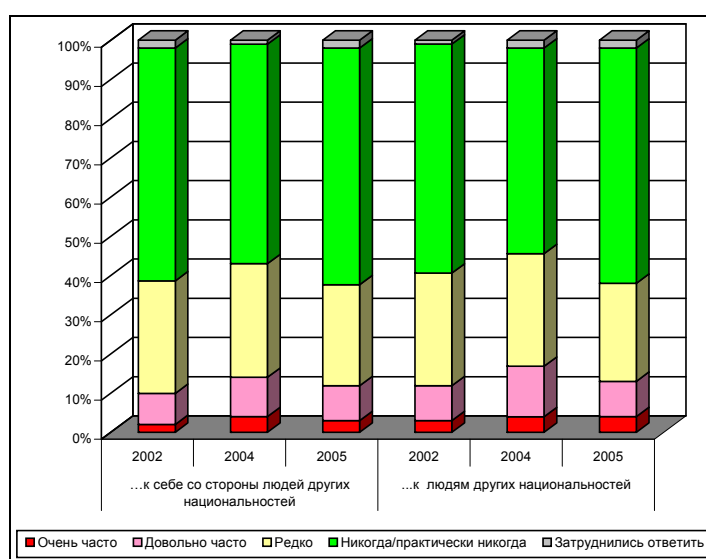
Рис. 2 Как Вам кажется, число приезжих из других регионов России и ближнего зарубежья, которые работают сейчас в том городе, районе, где Вы живете...? (в % к числу опрошенных)

Но и задолго до этого, примерно к весне 1997 г., т. е. через год после голосования на выборах за Ельцина, вместе с острым разочарованием в прежнем лидере (и соответственно утратой патерналистских иллюзий, связанных с ним) стало заметно, что этнические предрассудки начинают все в большей степени принимать форму «рационализации» воображаемой угрозы приезжих для русских и необходимости этнической «самозащиты».

Уже 39% считали, что предоставлять право проживания нужно «только русским», а для остальных нужно ввести ограниченный срок пребывания (всего лишь 14% полагали, что властям не следует вмешиваться в жизнь мигрантов). В дальнейшем эта потребность обоснования барьеров между «своими» и «чужими» закрепляется, хотя и не распространяется на всех нерусских: «Как Вы считаете, русские в России – живут беднее, чем представители других народов, так же или богаче?» – «беднее» думают 45% опрошенных; «также» примерно столько же – 41%, «богаче других» – лишь 9% (и 5% «затруднились ответить»); август 2004 г.; N=1600)¹².

¹² На симметричный вопрос, заданный в ноябре 2005 г. (N=1600), «Как Вы считаете, национальные меньшинства в России живут в целом лучше или хуже русских?», ответы распределились следующим образом: «лучше» – 31%, «примерно так же» – 44%, «хуже» – 16%.

Как следует из рис. 3, особых поводов для ответной агрессии у большинства нет. Масштабы этнической неприязни в отношении русских слишком незначительны, чтобы считать их собственно массовым социальным явлением, а не случайным переносом бытовых конфликтов в этническую плоскость (следуя пословице: Иван украл, говорят – Иван украл; Абрам украл – говорят, еврей украл). Во всяком случае, частота ответов «очень часто» не выходит за пределы допустимых статистических отклонений (+/- 1,7%). Исходя из этого, мы можем утверждать, что ксенофобия, этническая агрессия возникает в ответ на внутреннее напряжение и комплексы, но затем тянет за собой проективную реакцию обоснования своей недоброжелательности в аргументах мнимой неприязни к себе и чужой агрессии.

2002 и 2004 гг., N=1600; 2005 г., N=1881

Рис. 3 Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность...

Сравнивая два близких года (2002 г. – середина первого президентского срока Путина и 2004 г., когда у большинства населения уже не осталось особых иллюзий на улучшение ситуации в стране, на решение чеченской проблемы), мы замечаем, что собственная *открытая и осознаваемая* агрессия, отмечаемая опрошенными, распространена шире и растет чуть быстрее (на 5 п. – с 12 до 17%), чем внешняя недоброжелательность, неприязнь, вызванная грубостью и враждебностью к русским приезжим людей (с 10 до 14%), но затем она опять возвращается к прежним значениям. Конечно, эти колебания едва значимы в статистическом плане, тем не менее они демонстрируют особенности именно массовых настроений. Такое заключение подтверждают и результаты совсем недавнего опроса (ноябрь 2005 г.): «Какие чувства Вы испытываете по отношению к приезжим с Северного Кавказа, из Средней Азии и других южных стран, проживающих в вашем городе, районе»: «уважение» – 2%, «симпатию» – 3%, «раздражение» – 20%, «неприязнь» – 21%, «страх» – 6% и «никаких

особых чувств» – 50% (затруднились ответить всего 2%, что говорит о выраженности в массовом сознании подобных установок). Таким образом, негативные сантименты проявляются у 47% населения, почти на порядок превышая позитивное отношение (5%).

Рост собственного раздражения воспринимается «местным» населением как общее ухудшение обстановки, рост конфликтности, вызванный присутствием «чужих». Об этом говорят ответы 26% респондентов (ноябрь 2005 г.), заявивших, что в том городе или районе, где они живут, ощущается усиление межнациональной напряженности (тогда как 70% опрошенных не замечают ничего подобного). Характерно, однако, что у них отмечаются особенно сильные этнические антипатии и предрассудки. Еще более выразительно этот проективный характер этнонационального раздражения проявляется в ответах на «экспертный» вопрос, стало ли большим за последние 5–6 лет число русских, которые разделяют крайние националистические взгляды (недоброжелательство, ненависть по отношению к приезжим из ближнего зарубежья, особенно кавказцам или из Средней Азии). 55% опрошенных заявили, что таких людей стало больше (и всего 8% сказали, что их теперь «меньше» и 24% – как было, так и есть).

Распространенность ксенофобии осознается значительной частью опрошенных, когда они признают, что на поверхность выходит то, что раньше подавлялось и раньше рассматривалось как неприличное или недопустимое поведение или выражение чувств или отношений. Например, на вопрос: «Как Вы думаете, в России в последние годы стало больше проявлений национализма – или просто в последнее время стали больше об этом говорить?», 40% опрошенных заявило – «стало больше националистических эксцессов и проявлений», но, по мнению 44%, «больше стали говорить» (июль 2002 г., N=1600).

Характерно, что оба этих мнения примерно в одних и тех же пропорциях представлены в самых различных социальных группах и, в политическом плане, крайне слабо дифференцируются. А это значит, что действуют самые общие коллективные представления, объединяющие не отдельные категории населения (например, образованных столичных жителей или, напротив, бедную и непросвещенную периферию), а общество в целом. Другими словами, отношение к мигрантам не является дифференцирующим фактором, изолированным от других ценностных напряжений. Оно оказывается предметным выражением более общих характеристик состояния массового сознания, коллективной идентичности и механизмов, поддерживающих определенный уровень солидарности.

Из рис. 4 следует, что динамика отношения к приезжим за рассматриваемые 8 лет в общем и целом незначительна, колебания почти не выходят за пределы допустимой статистической погрешности. Тем не менее некоторые моменты все-таки следует отметить:

- 1) явное снижение числа затруднившихся с ответом говорит о том, что эта тематика в общественном сознании обретает достаточно устойчивое оформление;
- 2) слабое снижение позитивной установки (с 29–28% в 1998–2000 гг. до 22–21% в последующие годы);

3) незначительное повышение индифферентности к обсуждаемым вопросам (с 33–34% в 1997–1998 гг. до 42–44% в 2002–2003 гг.), не особенно затрагивающих повседневную жизнь коренного населения.

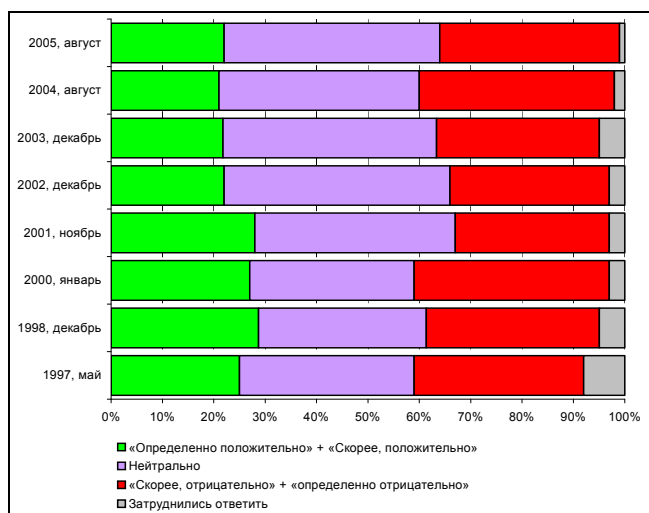

Рис. 4 Как Вы относитесь к тому, что на стройках России все чаще можно встретить рабочих из Украины, Белоруссии, Молдавии, других стран ближнего зарубежья? (в % к числу опрошенных)

Это значит, что положительные установки переходят в нейтрально-равнодушное отношение, что конкретная проблема (в той формулировке вопроса, в какой она присутствует в данном опросе) не затрагивает реальных интересов населения. Удельный вес негативных высказываний остается практически неизменным (при среднем показателе – 34% – колебания в ответах не превышают +/- 4 п., что лишь чуть-чуть больше статистически допустимых отклонений).

Нет сомнения, что рост русского национализма осознается большинством населения, в том числе и усиление его крайних агрессивных форм, но это обстоятельство не вызывает особого беспокойства и тем более сопротивления, поскольку сам по себе этот процесс, как уже говорилось, имеет характер своего рода извращенной, патологической «терапии» по отношению к ущемленному и закомплексованному массовому самосознанию. Попытка выявить, насколько само общественное мнение воспринимает причины этого обострения большого русского национализма, сразу же сталкивается с доминирующим нежеланием обсуждать эти проблемы. Так, на вопрос «Какова основная причина роста русского национализма в России в наши дни?» самая большая группа опрошенных (45%, ноябрь 2005 г.) «затруднилась с ответом», фактически уходя от самой проблемы. Конечно, подобные экспертные вопросы не совсем корректны с точки зрения методического пуризма в социологии, но для нас в данном случае это не так уж и важно, поскольку именно подобная «некорректность» позволяет выявить – по самим способам аргументации – некоторые скрывающиеся обстоятельства массового самосознания. Спектр вариантов объяснения был следующим (в порядке убывания частоты ответов, в % к числу опрошенных):

- 1) террористические акты последних лет – 18;
- 2) плохие условия жизни в России – 13;
- 3) вызывающие действия, поведение национальных меньшинств – 12;
- 4) власти не хотят бороться с национализмом, заинтересованы в его раздувании – 3;
- 5) национальные предрассудки русского населения – 2;
- 6) другое – 4.

Дробный характер объяснений, предлагаемых в каждом случае лишь незначительным числом респондентов, указывает а) на отсутствие общего представления, служащего базой для коллективной интерпретации происходящего; б) на смещенный характер этнической агрессии и ксенофобии, стремление объяснять одни явления другими, не связанными с первыми причинно-следственными отношениями. Фактически лишь один вариант (*вызывающие действия, поведение национальных меньшинств*) мог бы служить непосредственным мотивом для роста ксенофобии, но, как видим, его выдвигает лишь сравнительное меньшинство опрошенных (равное, кстати, устойчивому ядру носителей массовых этнических фобий, вне зависимости от того, кто в данном случае является предметом их неприязни), не соразмерное с общей массой ксенофобии.

Варианты «*власти не хотят бороться с национализмом, заинтересованы в его раздувании*» и «*национальные предрассудки русского населения*» чаще выдвигаются нерусскими респондентами, этническая идентификация которых в какой-то мере строится на их отношении к русским. У самих же русских мнения о том, как ведут себя власти в этом плане, лишены определенности и четкости: большая, хотя и не преобладающая часть опрошенных, готова выступить в защиту властей («российские власти борются с крайним русским национализмом» – 38%), однако это не выглядит достаточно убедительным; 25% респондентов, напротив, уверены в том, что «российские власти поощряют крайний национализм и способствуют его распространению». Но очень большая часть опрошенных уходит или отказывается от определенного ответа по понятным и разобраным выше причинам – 37%. Осуждать власти в данном случае означало бы признать собственную неполноценность или ответственность за себя.

Мы не любим их, потому что Россия – для русских

В конце 1990 – начале 2000-х годов опросы фиксируют укрепление в коллективном сознании ощущения национальной исключительности, мифологии «особого пути», шовинистических установок в отношении любых «чужаков», мигрантов, приезжих и т. п. Одновременно усилилась привлекательность лозунга «Россия для русских» – формула, в которой изначально заложено отрицательное отношение ко всем «пришлым».

Конечно, разные люди понимают этот лозунг по-разному. Перекрестный анализ ответов позволяет увидеть, какие мнения респондентов группируются в определенные комплексы представлений по этому поводу (табл. 1).

Таблица 1. Что означает лозунг «Россия для русских»? (в % к числу опрошенных; без затруднившихся ответить, июнь 2005 г., N=1600)

Варианты ответов*	1. Государственная поддержка ...	2. Административный контроль...	3. Ограничения в проживании...	4. Выселение нерусских...	5. Запрет на работу в госаппарате...	6. Преимущества для русских...
В среднем	47	31	31	21	25	37
1. Государственная поддержка ...	100	28	26	24	24	47
2. Административный контроль...	43	100	43	28	32	36
3. Ограничения в проживании...	40	44	100	30	37	37
4. Выселение нерусских...	53	41	43	100	50	51
5. Запрет на работу в госаппарате...	45	39	44	42	100	46
6. Преимущества для русских...	59	30	31	29	32	100

* Полная формулировка ответов:

1. Государственная поддержка русской культуры, национальных традиций.
2. Административный контроль за действия нерусских, которые высказывают враждебность к традициям и ценностям русского народа.
3. Ограничения в проживании нерусских в городах на территории России.
4. Выселение нерусских (кавказцев, китайцев и др.) с исконных русских территорий.
5. Запрет для нерусских занимать ответственные должности в правительстве, ГД, СФ, администрации президента, руководстве.
6. Преимущества для русских при занятии государственных и других руководящих должностей, при поступлении в институты.

Как видим, не все сводится к отношению к приезжим. Почти половина опрошенных, разделяющих программу «Россия для русских», понимает под этим в первую очередь необходимость проведения активной национально-культурной политики государства, направленной на финансовую и организационную поддержку учреждений и коллективов, занимающихся «русской тематикой». Правда, что реально должна означать подобная имитация традиционной культуры, сказать очень трудно. Если судить по рейтингам ТВ, то передачи с «фольклорно-плясовым» колоритом не пользуются особой популярностью. Но сам этот нео- или псевдотрадиционализм (в самом широком плане – от реставрированного или «изобретенного», если вспомнить выражение Э. Хобсбаума, фольклора до имперской идеологии) оказывается чрезвычайно затребованным и властью, и с готовностью поддерживающим ее обществом, по крайней мере – той половиной его, которая согласна с этим лозунгом.

Но, в строгом смысле, четких границ между различными вариантами политики «Россия для русских» нет, поскольку половина тех, кто придерживается как будто бы культурно-поощрительной политики, готовы разделять жесткие требования административного воздействия на мигрантов, и наоборот.

Таким образом, мы имеем дело, по крайней мере, с двумя основными типами консервативной защиты этнической общности (в данном случае русских), апеллирующей к государственной власти для проведения охранительной национальной политики.

Первый тип, который можно назвать условно «мягкой» реакцией на миграцию, представляет собой скорее *поощрение* определенной политики поддержки культуры русских и предоставления привилегий для русских в доступе к образованию, карьере, занятиях ключевых позиций в бизнесе, органах правопорядка и армии, государственном управлении и т. п. Он предполагает сравнительно слабые формы административного контроля над чужими. Этот вариант этнократической или этнономенклатурной политики хорошо известен как в некоторых регионах России (бывших национальных автономиях), так и за рубежом. В общем и целом ее выдвигают ресурсообеспеченные группы, которые стремятся закрепить свое особое преимущественное положение и в дальнейшем.

Второй, более жесткий, тип можно назвать *изоляционистским*, он ориентирован на репрессивную политику по отношению к этническим чужакам или мигрантам, запреты для нерусских занимать ответственные должности в правительстве, парламенте, администрации президента. Короче, он предполагает закрытие для чужих, приезжих доступа к ключевым социальным и политическим позициям в российском обществе (сюда входит и ограничение районов проживания или даже выселение приезжих с территорий, где проживают большинство русских, установление административного надзора над нерусскими в целом или, по крайней мере, теми группами, которые, по мнению надзирающих, отличаются «враждебностью в отношении русских», их ценностей и символов). Подобные установки чаще характерны для бедных в ресурсном плане групп (малоимущих, низкостатусных, пожилых респондентов, провинциалов, не имеющих других средств выживания в плюралистических или конкурентных условиях, кроме как символического уничтожения конкурентов).

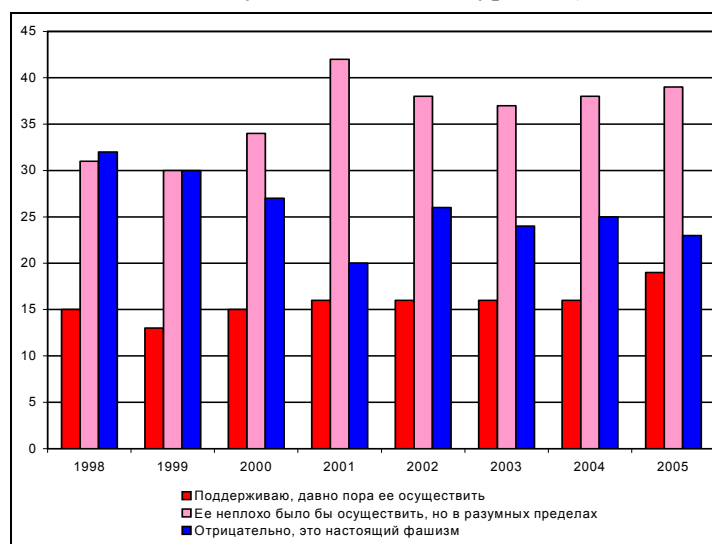

Рис. 5 Как Вы относитесь к идее «Россия для русских» (основные ответы, в % к числу опрошенных; N=1600)

В целом же лозунг «Россия для русских» в той или иной мере поддерживается весьма значительная – и растущая – доля россиян, тогда как доля тех, кто не приемлет этот лозунг, сокращается (рис. 5).

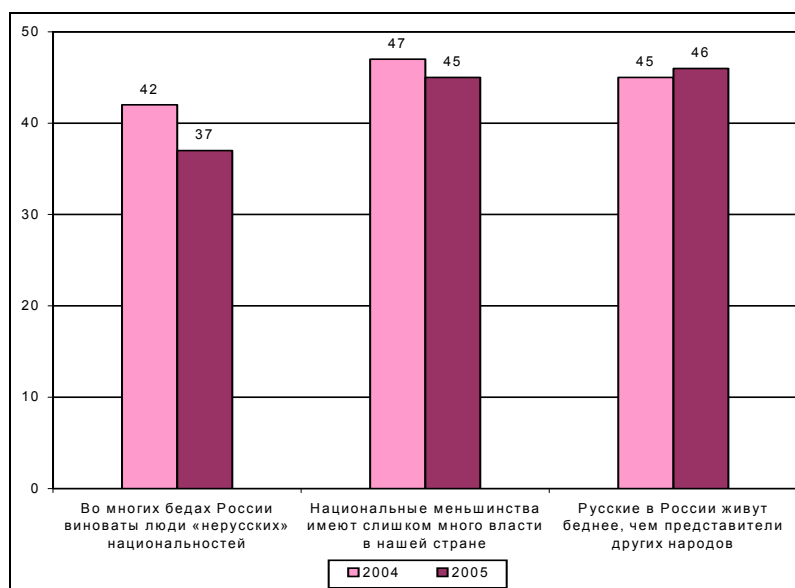
Если в начале или середине 1990-х годов не более 20–25% населения характеризовались склонностью к идее «России для русских», то в 1998 г. этот лозунг поддерживали уже 43%, а в 2001 г. – свыше 58% российского населения, причем быстрее усиливалась выражено шовинистическая его составляющая («давно пора!»), характерная главным образом для низов и социальной середины (с 1999 по 2005 г. доля этих ответов выросла в полтора раза), но и более респектабельная и «умеренная» его форма также, хотя и не так существенно, усиливалась (на 9 п., или почти на треть).

Массив разделяющих эти лозунги медленно увеличивался с приходом Путина к власти, началом новой чеченской войны, общим заметным поворотом к русскому традиционализму. Одновременно уменьшалось сопротивление русскому национал-изоляционизму и шовинизму (на те же 9 п. – с 32 до 23%). «Перетекание» мнений шло от «не задумывающихся» к тем, кто разделяет эти идеи, но в сравнительно умеренном виде, а часть этих «умеренных» сменила их на более радикально-агрессивные формы выражения своих взглядов.

За что мы их не любим?

Чем опрошенные мотивируют свое негативное отношение к приезжим?

При большом количестве говорящих о необходимости введения разного рода запретов и ограничений, применения к мигрантам репрессий реально фиксируется лишь сравнительно небольшое число тех, кто говорит о своем внутреннем чувстве незащищенности или тревожности в связи с продолжающейся миграцией в Россию. Во всяком случае эти два массива не равны друг другу, хотя и сопоставимы. На вопрос (июнь 2003 г., N=1600): «Как Вы думаете, представляют ли сейчас угрозу безопасности России люди нерусских национальностей, проживающие в России, мигранты из других стран?» – «только» 18% опрошенных считали, что над российским населением нависла «большая угроза», другие (а это 28% опрошенных) характеризовали ее в категориях неопределенности – «некоторая угроза». Иначе говоря, разделяли такие опасения 46%, хотя большинство – 52% – отвечали, что либо тут никакой особенной проблемы нет, либо она не настолько значительная, чтобы говорить об этом в категориях «угрозы», «опасности», т. е. причин для особой тревоги нет. То же самое показали замеры год спустя: полностью согласных с этим суждением было лишь 16% (а вместе с теми, кто ответил «скорее, да», разделяющих подобные мнения оказалось 42%, в 2005 г. – 37%); не согласны – 52% (в 2005 г. – 57%, соответственно). Эти данные (рис. 6) свидетельствуют о том, что речь не идет о реактивных настроениях, психологических состояниях, возникающих в ответ на какие-либо внешние воздействия или события, напротив, это гораздо более устойчивые комплексы массовых представлений, играющие важнейшую роль в поддержании баланса образов «себя» и «других» в структурах самоидентификации.

август 2004 и август 2005 гг.; N=1600 и 1881

Рис. 6 Распространенность комплексов ущемленности. Доля (%) положительных ответов на вопрос: «Согласны ли Вы или нет с мнением, что...»

О том, с чем конкретно связывают респонденты отрицательные последствия пребывания в России нерусских, приезжих, можно судить по ответам на вопросы, представленным на рис. 7.

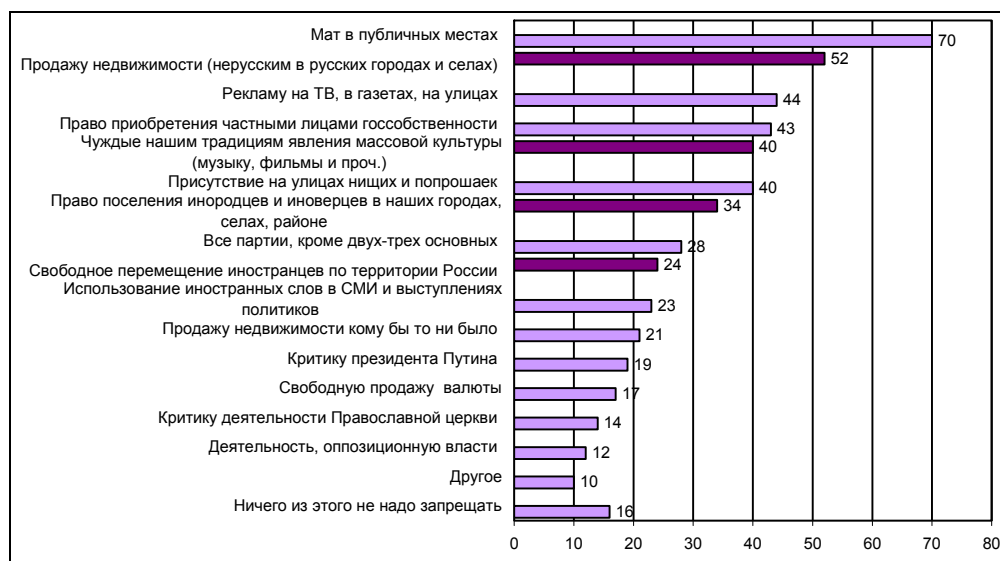
Декабрь 2002 г., городское население, N=4500; в % к числу опрошенных, сумма больше 100%, поскольку респондент мог выбрать для ответа до трех вариантов

Рис. 7 Почему Вы отрицательно относитесь к тому, что в последние годы в Россию приехало много иностранцев и мигрантов...? (в % от опрошенных)

Интересно, что важнейшие мотивы: «они» пользуются тем, что по праву должно принадлежать только местным, а потому – «они вытесняют коренное население с насиженных мест», «они – чужие» – открыто не называются основной массой опрошенных. На приезжих проецируется внутренняя агрессия, которая «рационально» обосновывается чужими, заимствованными из языка официоза или других социальных групп аргументами.

Чем сильнее сомнения в устойчивости социального порядка, кризис легитимности, выше недоверие к институциональной системе, неспособной обеспечить известную упорядоченность жизни, тем ощутимее массовое стремление к простейшим формам защиты, психологической компенсации. А оно выражается прежде всего в запросах на восстановление жесткого управления, проведение строгой нормативно-запретительной политики, установление системы барьеров и предписаний, которые бы вводили массовое поведение в четкие рамки официальных и полицейских предписаний. Можно сказать, что общая композиция массового сознания строится на оппозиции «власть – объекты страхов и порождаемые ими напряжения или неудовлетворенность действиями властей»¹³. А среди этих объектов страхов оказываются – среди прочего – и объекты ксенофобии.

Эта «редукция сложности» со всей очевидностью проступает в ответах респондентов на вопрос, что респонденты считают недопустимым в публичной жизни и что должно быть запрещено в нынешних условиях (рис. 8).

2003 г., N=1600; в % к числу опрошенных

Рис. 8 Что недопустимо в публичной жизни и должно быть запрещено

¹³ В этом смысле приход Путина лишь подтвердил общую готовность к восстановлению авторитарного режима и соответствовал общей тенденции к запретительству как единственному механизму поддержания стабильности.

Более темным цветом выделены существенные для нашего анализа пункты. Казалось бы, что общего между недовольством рекламой, нищими на улицах и отношением к инородцам или рессантиментными переживаниями, связанными с появлением «новых русских»? Общее только одно: фобии нового, изменившегося порядка вещей легко переходят в ксенофобию и потребность в защитно-запретительных барьерах против групп, маркируемых в качестве симптомов или носителей этих изменений, и все они увязываются на определенных нормативных ожиданиях репрессивных действий властей.

Что можно и чего нельзя нерусским?

В российском обществе вообще широко распространены охранительно-запретительные установки, не удивительно, что они постоянно дают о себе знать и в вопросах, касающихся мигрантов.

Некоторые социальные группы, в первую очередь национально ангажированные, выступающие за «поддержку русской культуры» образованные россияне, жители средних и малых городов, сел (провинция как таковая), люди с более высоким уровнем дохода, склоняются к необходимости этнократической кадровой политики, требуя для таких, как они, введения различного рода дополнительных привилегий и преференций, преимуществ при занятии государственных постов, ключевых должностей, при приеме детей в вузы и проч. Эти же группы настаивают на установлении режима этнического или расового апартеида (в сравнительно мягком его варианте), который бы облегчил им конкуренцию со стороны других этнонациональных групп. По существу эти требования (а их выдвигает более трети россиян – 37%) представляют собой возвращение к дискриминационной «национальной» практике сталинских и брежневских времен (что повторяет общую ностальгию по советской власти, по золотому веку брежневского застоя).

За ужесточение административного контроля над «нерусскими» или применение к ним самых суровых мер (ограничение проживания, выселение, высылка и т. д.) выступают главным образом социально депрессивные группы – низкообразованные, малоимущие или люди со средним достатком, но с нестабильным социальным положением, неуверенные в себе и своем будущем, социальная периферия, избиратели КППФ, ЛДПР, а также – ущемленные жители Москвы, относящиеся к малоконкурентным категориям населения, «средние люди», аполитичные или, напротив, голосующие как «все» – за «Единую Россию». Молодые, люмпенизированные, не самые образованные склонны настаивать на самых жестких силовых мерах, требовать от властей репрессивных действий по отношению к нерусским (не просто установления каких-то ограничений для приезжих, но прямого выселения кавказцев, китайцев, вьетнамцев и других).

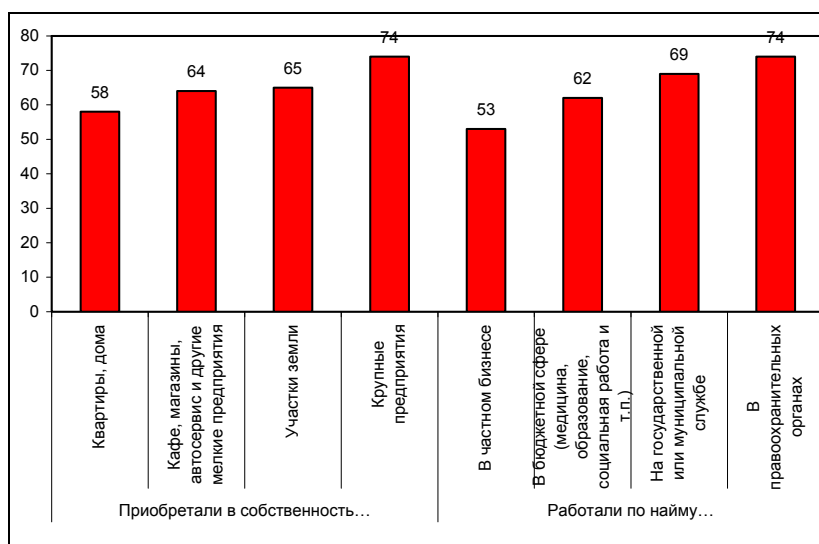
Опросы показывают, что мнения о необходимости ограничивать приток приезжих становятся все более распространенными и определенными (число затруднившихся в ответах на этот вопрос заметно сокращается – см. рис. 9).

2002 и 2004 гг., N=1600; 2005 г., N= 1881

Рис. 9 Какой политики должно придерживаться правительство России в отношении приезжих? (в % к числу опрошенных)

Готовность выставить разного рода барьеры и ограничения для мигрантов имеет всеобщий характер, это доминирующее в российском обществе настроение, оно задает тон и предопределяет отношение к приезжим в самых разных планах существования (рис. 10).

Июль 2005 г., N=2107

Рис. 10 Как Вы относитесь к тому, чтобы мигранты... (% отрицательных ответов)

Негативизм и запретительные рефлексy усиливаются по мере возрастания социальной ценности позиции или величины собственности, способных стать доступными для «чужих». Интересно, что власть (особенно «силовая») эквивалентна по значению «владению крупной собственностью» – и там, и там запреты на доступ одинаково сильны (их отметили по 74% опрошенных), причем максимумы этого негативизма (правда, превышения очень небольшие, незначительно поднимающиеся над средним уровнем – всего на 2–4 п., т. е. чуть больше допустимых статистически колебаний) приходится во всех смыслах на «средних людей» – носителей норм этого общества (людей со средним образованием, среднего возраста или несколько старше (возрастная когорта 40–55 лет), квалифицированных рабочих, домохозяек и специалистов (среди которых преобладающее большинство – женщины).

Все это говорит о том, что мы имеем дело не столько с реальной конкуренцией за ресурсы или за распределяемые властями материальные или социальные блага, гарантии, работу, сколько за символические ресурсы и статусы. Это, конечно, не делает проблему более легкой, но позволяет искать адекватные средства для ее решения.

Обращает на себя внимание сравнительно незначительный процент людей, выступающих против репрессивной политики. Ксенофобские настроения не являются специфической реакцией на увеличение массы мигрантов и тем более – реакцией на те или иные их действия, ксенофобия усиливается или спадает, будучи обусловленной преимущественно внутренними причинами или состоянием национальной консолидации, степенью интегрированности общества.

Если мы сопоставим список тех проблем, которые реально беспокоят респондентов, с тематикой миграции, соотнесем остроту вопросов «засилья приезжих» с другими проблемами российского общества, то окажется, что раздражение и озабоченность, вызванные угрозой, исходящей от мигрантов, намного (на порядок) уступает повседневным заботам людей. В списке 25-ти самых важных проблем российского общества «наплыв мигрантов в Россию» занимает лишь 16–17 место (примерно то же, что и «военные действия в Чечне» – эти проблемы назвали всего 7% опрошенных). Первые же 10 позиций из этого списка представляют следующий перечень тревог и беспокойств: рост цен (71%), бедность, обнищание большинства населения (53%), рост безработицы (39%), кризис в экономике, спад производства (33%), рост преступности (29%), недоступность многих видов медицинского обслуживания (29%), рост наркомании (29%), рост платности образования, недоступность образования (27%), резкое расслоение общества на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов (27%), коррупция (24%). Меньше, чем «засильем приезжих», россияне озабочены лишь «ухудшением межнациональных отношений, ростом национализма» (4%), т. е. тем, что характеризует их собственное моральное состояние.

Попытки предложить россиянам рационализировать свою позицию в отношении миграции, объяснить причины антипатии и враждебности к приезжим особого успеха не имеют, как показывают результаты последних исследований (июль 2005 г., N=2107). Это не какое-то нежелание отвечать на ненужные вопросы социологов, а принципиальная невозможность объяснения своей пози-

ции. Коллективное чувство единства «мы», не основанное на каких-либо достижениях и успехах, не требует оправдания, не нуждается в нем, а стало быть – и не может поддерживаться какими-либо аргументами. Тем самым ксенофобия защищена от сомнений и критики. Большинство опрошенных наглухо закрываются от самой мысли о целесообразности или естественности притока мигрантов в Россию, настаивая, вопреки очевидности, на том, что Россия не нуждается в услугах каких-либо приезжих (так считают 43%, если добавить к этому еще четверть опрошенных (24%), которые уходят от ответа, которым трудно объяснить свои взгляды, потому что их невозможно объяснить на уровне здравого смысла, то в сумме мы получим основной массив нефокусированной, диффузной неприязни – порядка двух третей всего населения). 67% опрошенных считают, что, хотя основная часть мигрантов занята на тяжелых и низкооплачиваемых работах, на которые не идут местные жители, их город или район вполне может обойтись без приезжих (противоположной точки зрения придерживаются лишь 15%, как правило, это люди более компетентные и образованные, непосредственно связанные с практическими вопросами управления или производством, с экономикой: среди руководителей этот вариант ответа выбирают 33%, среди людей с высшим образованием – 27%, т. е. вдвое чаще среднего). При этом примерно 43–47%, т. е. устойчивая масса носителей антипатии, категорически возражают против любого присутствия мигрантов в России¹⁴.

Всего 8% респондентов заявили, что Россия нуждается в *любых видах* мигрантов – и тех, которые приезжают на временную работу, на заработки, но затем уезжают, и тех, кто остается здесь навсегда. Еще четверть россиян готовы допустить мигрантов в страну, но только на определенных условиях: 15% – только тех, кто приезжает временно, на заработки, но не остается, и 10%, напротив, только тех, кто готов стать гражданином России, ассимилироваться и слиться с ее основным населением. Последний вариант можно рассматривать как чисто демагогическое утверждение символических барьеров между Россией и приезжими, поскольку те же респонденты сохраняют всю полноту неприязни к выходцам или приезжим с Северного Кавказа (дагестанцам, кабардинцам и др.), никогда не терявшим своего российского гражданства.

Среди респондентов, более компетентных и информированных, относящих себя к статусно более высоким группам, чье положение более стабильно и устойчиво, ксенофобия выступает в несколько ослабленной форме: здесь заметно больше тех, кто считает необходимым привлекать мигрантов в Россию, и тем более – не строить им дополнительных препон. Так, среди директоров и руководителей организаций доля тех, кто высказывается категорически против *любого* присутствия мигрантов в России, несколько ниже, число затрудняющихся с ответом вдвое ниже среднего, и, напротив, в 1,5 раза больше тех, кто считает, что Россия нуждается в приезжих, а доля готовых допустить мигрантов в каче-

¹⁴ Подчеркнем, что эти настроения растут. Так, на вопрос: «Что следует делать с нелегальными иммигрантами из стран «ближнего зарубежья?» (т. е. бывшими гражданами СССР), большая часть опрошенных – 53% – заявили: «Выдворять их за пределы России», 38% считали, что им «необходимо предоставить работу и обеспечить нормальные условия жизни в России, обязав их соблюдать российские законы и выплачивать налоги» (ноябрь 2005 г., N=1600).

стве временных гастарбайтеров – более чем в два раза выше среднего (33% и 15% соответственно), среди специалистов эти показатели выглядят несколько слабее – и в том и в другом случае – 22%.

Кого из приезжих мы не любим больше всего?

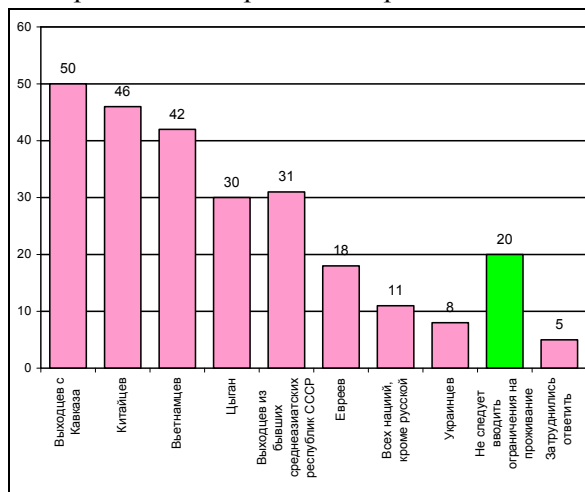
Никто из чужих не вызывает у россиян симпатии, доброжелательности или какой-то заинтересованности, даже украинцы и белорусы, в отношении которых, казалось бы, абсолютное большинство русского населения уверено, что это не разные народы, а один народ, в силу исторических причин оказавшийся разделенным, или разные ветви одного народа¹⁵. Но такого рода представления актуализируются в другом, гораздо более идеологическом и политизированном, геополитическом контексте, где композицию «наши – не наши» образуют внешнеполитические символические субъекты. Если же брать контекст «для внутреннего употребления», то каких-либо симпатий даже к украинцам российское население не проявляет, если не считать незначительного числа – почти маргиналов – в 13%, заявляющих (в противопоставлении большинству) о том, что они были бы рады приезжающим в Россию украинцам. Основу же массового отношения к приезжим украинцам и молдаванам, близким по культуре и образу жизни, составляют равнодушное безразличие, незаинтересованность, тогда как к «кавказцам» и «азиатам» – выраженная антипатия.

Мы видели, что по отношению к приезжим в российском обществе довольно широко распространены охранительно-запретительные установки. Так, всего лишь чуть больше трети опрошенных россиян (ноябрь 2002 г., N=1600) полагают, что запрещать заниматься бизнесом никому не следует на территории России (35%), или добавляют вполне разумно – «кроме тех, кто находится на госслужбе или на выборных должностях» (36%, в значительной степени – это одни и те же опрошенные, респондент мог указать несколько вариантов ответа, в этом случае сумма ответов больше 100%). Однако остальные настаивают на подобных запретах: 14% считают, что нужно запретить предпринимательство для кавказцев, еще 10% – заниматься бизнесом китайцам, вьетнамцам, корейцам и другим приезжим из стран Азии, еще столько же – «всем негражданам» России. Кроме того, незначительное число респондентов требовали запретить или ограничить предпринимательскую деятельность всем «мусульманам» (4%), «евреям» (3%), «гражданам западных стран» (около 3%), «всем неправославным» (2%) и т. д. Если суммировать ответы всех тех, кто хотел наложить разного рода ограничения на предпринимательскую деятельность по этническим, национальным или конфессиональным признакам, то доля таких мнений составит почти половину всех ответов (48%).

Примерно такие же установки характеризуют отношение россиян к доступу на государственную службу. 27% опрошенных считают, что никому не следует чинить каких-либо препон, если человек идет работать в госаппарат («кроме

¹⁵ В том, что «Украина – это не за граница», убеждено почти две трети россиян – 63% (ноябрь 2005 г., N=1600). Подробнее см.: [Дубин 2005].

лиц, имеющих судимость», добавляют 45%). Вместе с тем требуют ввести запрет на прием на госслужбу «лицам кавказской национальности» – 15%, «мусульманам» – 10%, евреям – 8%, бизнесменам – 6%, всем неправославным – 5%. Таким образом, почти половина опрошенных россиян (45%) считает необходимым ввести барьеры в доступе к позициям власти для социально «чужих» или инородцев, еще и разделяя их при этом на различные категории.

2004 г., N=1600, 2005, N=1881

Рис. 11 Как Вы считаете, следует ли ограничить проживание на территории России...? (в % к числу опрошенных)

Весьма неодинаковое отношение к представителям разных групп инородцев демонстрируют и ответы на вопрос о том, следует ли ограничить их проживание на территории России (рис. 11).

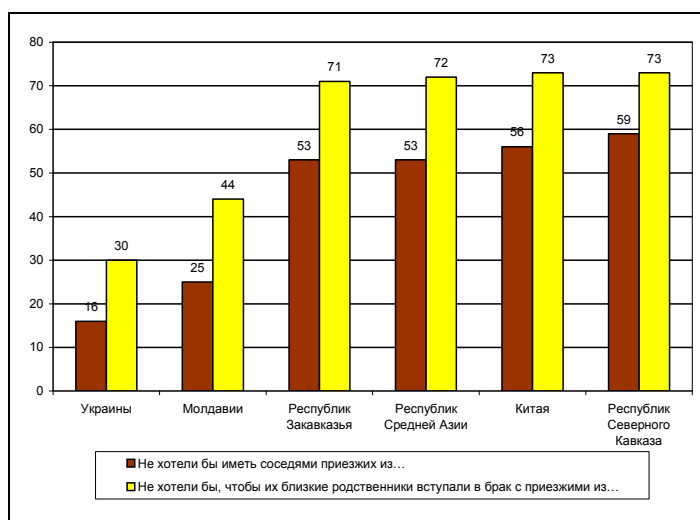

Рис. 12 Распределение негативного отношения опрошенных к соседству и к браку с приезжими в зависимости от уровня образования опрошенных (в % к числу опрошенных)

Уровень негативизма, неприязненного отстранения тем выше, чем сильнее угроза приближения чужаков к тому, что считается для массового человека «своим», близким, дорогим – дом, семья и т. д. Здесь общее диффузное недоброжелательство резко возрастает пропорционально сокращению социальной дистанции «свой–чужие». Этнические барьеры превращаются в расовые (рис. 12).

Если можно еще говорить о некоторых групповых различиях в отношении перспективы соседства с этническими чужими (более жесткие барьеры – у низкообразованных опрошенных), то в отношении к браку с приезжими всякие градации и ступенчатость отношений исчезают: здесь негативизм у респондентов из разных социальных категорий достигает максимума, а колебания между отдельными группами оказываются малозначимыми и составляют +/- 5–8 п. в отношении к украинцам, 6–12 п. – ко всем остальным. Сильнее всего неприятие чужих характерно для женщин, традиционно играющих консервативную роль хранителей традиций, а потому барьеры проявляются сильнее в тех статусно-профессиональных группах, где выше удельный вес пожилых женщин (среди служащих, пенсионеров, неквалифицированных рабочих, домохозяек).

Кто из нас не любит их больше всего?

Центр тяжести ксенофобии лежит в группах, располагающих ограниченными ресурсами, зависимых от других, не ориентированных на достижения или продвижение по службе. Самые большие страхи фиксировались у тех, у кого, по их самооценкам, снизилось общественное и материальное положение. Среди тех, кто раньше относил себя к людям, занимающим на лестнице социальных статусов среднее положение, а теперь начал его терять (было – «как у всех, не ниже и не выше»), 70% придерживаются ксенофобских мнений. У потерявших высокое положение – удельный вес таких взглядов составлял чуть меньше – 64%. Напротив, подобные взгляды не разделяли те, кто поднялся за годы, прошедшие с начала реформ, либо кого эта перспектива – угрозы с Запада или со стороны недавних мигрантов – не пугала: среди этой категории опрошенных было всего 19% респондентов с характерными фобиями и антипатиями (февраль 1994 г., N=3961 человек).

В целом же носители ксенофобии это – не люмпены, не маргиналы, а «обычные люди», средние по основным своим характеристикам (уровню образования, доходам, ценностным предпочтениям и политическим взглядам): прежде всего это – квалифицированные рабочие и технические служащие без специального образования и квалификации (а также низкоквалифицированные рабочие). Некоторым отклонением на этом фоне выглядит группа опрошенных, включающая руководителей, директорат, топ-менеджеров: они обнаруживают максимум антипатии к китайцам, опережая в этом даже неквалифицированных рабочих (рис. 13).

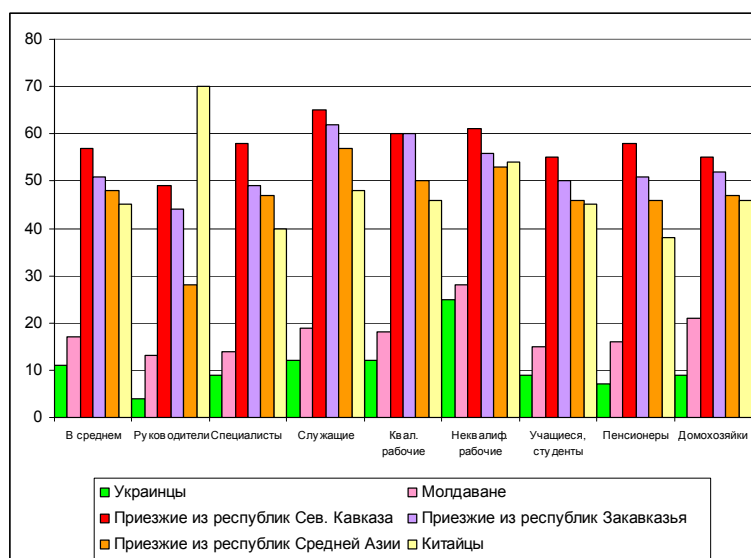
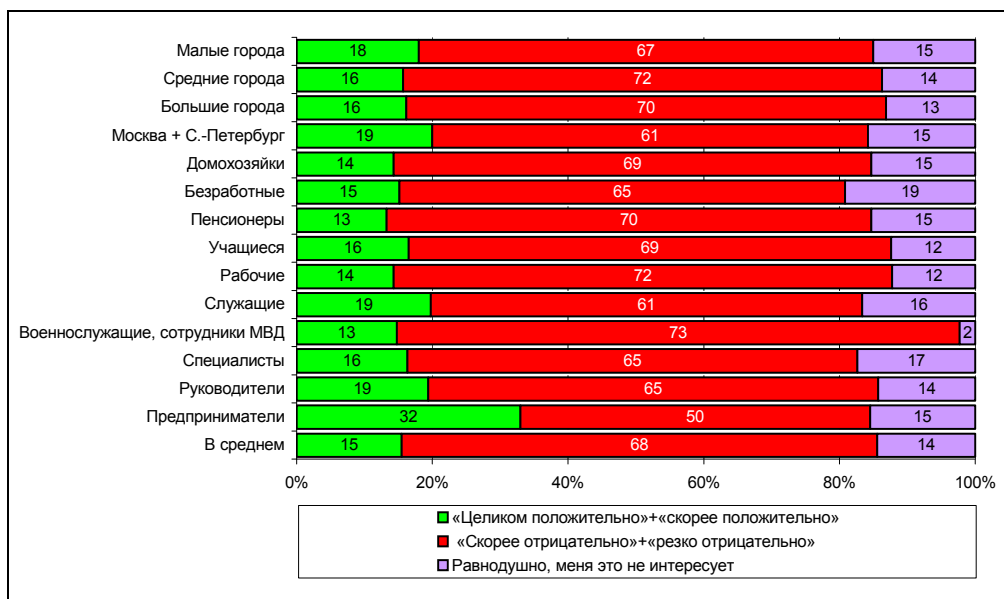

Рис. 13 Распределение ответов: «Приезжие вызывают недоверие и страх» в зависимости от социально-профессионального статуса респондентов (в % к числу опрошенных)

Как опрошенные мотивируют свое негативное отношение к приезжим? Здесь тоже многое зависит от их социально-профессионального статуса.

В декабре 2002 г. проводился большой опрос городского населения России по широкому кругу проблем, вызывающих острые ценностные реакции. Тогда отрицательное отношение к мигрантам (подчеркнем, что речь идет именно о городском населении, где удельный вес выраженной ксенофобии выше, чем у сельских жителей, глубинки, а сама тема достаточно актуальна и обсуждаема на разных уровнях общества) высказали в целом 68% опрошенных, что было еще достаточно непривычным в исследованиях такого рода¹⁶. Заявили о том, что они «резко отрицательно» относятся к приезжим, 28% опрошенных, «скорее отрицательно» – 40% («скорее положительно» – 12, «целиком положительно» – 3%). О своей индифферентности («эти вопросы меня не интересуют») или неоднозначном отношении к этой теме сочли нужным объявить в общем и целом всего 15%, а 3% отказались дать какой-либо определенный ответ, сославшись на свою некомпетентность или трудности иного порядка. Распределение этих мнений в зависимости от социально-демографических характеристик и профессионального статуса опрошенных см. на рис. 14.

¹⁶ Зафиксированная необычно большая доля артикулируемой, агрессивной неприязни, возможно, была связана с тем, что опрошенные уловили направленный характер вопросов анкеты, особое внимание к этой тематике. Обычно вопросы задавались в самой общей форме. Здесь же контекст анкеты был детализирован, что и повлияло на снятие обычных норм реагирования респондентов, сдерживающих проявление фобий.

Декабрь 2002 г., N=4500

Рис. 14 **Вопрос:** «В последние годы в России появилось много приезжих, как иностранцев, так и бывших граждан СССР, мигрантов, беженцев из своих стран – выходцев из республик Кавказа, Средней Азии, Афганистана, Китая и т. д. Как Вы лично относитесь к этому?» (в % к числу опрошенных, данные о затруднившихся с ответом не приводятся)

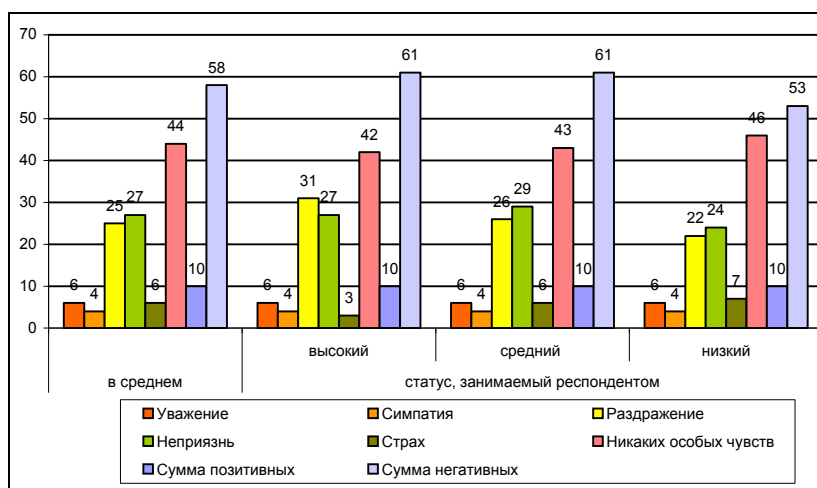
Наиболее терпимо к приезжим относятся предприниматели, особенно негативно – милиция и военные, рабочие и пенсионеры, хотя – и это важно – различия между группами опрошенных в целом незначительны, что говорит о слабости или отсутствии каких-то сил, способных влиять на общество в этическом или гуманистическом плане. Относительно менее выражена ксенофобия у предпринимателей (но «слабее» в данном случае означает всего на 18 п. ниже среднего), но все-таки половина представителей и этой группы настроена явно враждебно к мигрантам. Сильнее всего негативизм вызывает сам факт адаптации приезжих, их успех, вписывание в рутинную жизнь российских городов.

Рассмотрим распределение наиболее частых ответов по социально-демографическим группам. Максимум возмущения фиксируется именно в тех группах, которые *непосредственно не конкурируют* или не сталкиваются с чужими. Военных и милицию больше всех «заботит», что приезжие «отнимают рабочие места» у местных работников, пенсионеров, что они «торгуют» и *наживаются* на местном населении; руководителей и домохозяек – что они развращают и подкупают милицию; безработных – что «их очень много везде», учащихся – они просто им не нравятся, так как они «наглы» и т. д. (см. табл. 2).

Таблица 2. Почему Вы отрицательно относитесь к тому, что в последние годы в Россию приехало много иностранцев и мигрантов...? (в % к числу опрошенных)

Группы респондентов	Потому что они				
	Наглы и агрессивны	Торгуют	Создают засилье приезжих	Усиливают коррупцию	Отнимают работу
В среднем, в том числе:	29	26	25	21	18
Предприниматели	21	18	17	18	15
Руководители	26	25	17	28	19
Специалисты	27	25	25	22	18
Военнослужащие, сотрудники МВД	27	23	25	18	29
Служащие	28	24	20	16	18
Рабочие	28	27	29	21	17
Учащиеся	38	22	25	17	14
Пенсионеры	31	31	24	20	18
Безработные	25	22	33	19	20
Домохозяйки	28	25	26	27	21
Москва + С.-Петербург	26	22	27	21	17
Большие города	29	30	29	21	17
Средние города	30	28	25	21	20
Малые города	30	23	23	19	18

Высказанные заключения подтверждают выводы чуть более раннего общероссийского репрезентативного опроса об отношении к приезжим. Возьмем лишь одну характеристику массива опрошенных – их социальное положение (к «какому слою» они сами себя относят (рис. 15).

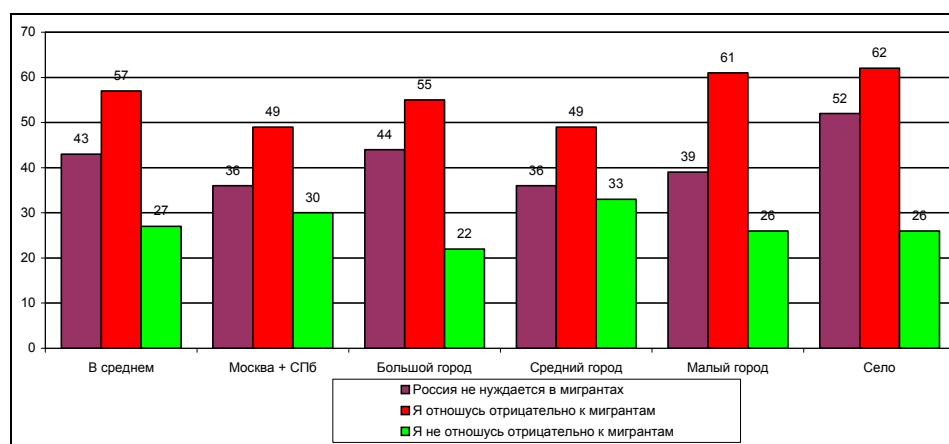
Октябрь 2002 г., N=1600, без затруднившихся с ответом. Сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа

Рис. 15 Какие чувства Вы лично испытываете по отношению к выходцам из южных республик, проживающих в вашем городе, районе?

Как видим, самой устойчивой составляющей массовых установок населения к приезжим является равнодушие и отстраненность. Очень небольшая часть

опрошенных (10%) воспринимает приезжих дружелюбно, но несравненно большая доля – более половины всех опрошенных – настроены явно негативно. Различия в антипатиях по группам не существенны, отношение позитивных ответов к негативным в среднем – 0,17, у респондентов с высоким и средним социальным статусом – 0,16, с низким – 0,19. Имеющиеся различия связаны лишь с характером групповых норм выражения неприязни (т. е. с различными способностями артикулировать или вербализовать свои чувства и предпочтения). У людей, занимающих в обществе разное положение, меняется не установка, а лишь модальность выражения ксенофобии (у тех, кто занимает более высокий статус и, соответственно, располагает большими социальными ресурсами, этнофобия несколько чаще выражается в «раздражении», у низкостатусных и малоимущих – в «страхе», в требованиях гарантий от власти и склонности к более жестким запретительно-охранительным мерам). Можно сказать, что «неприязнь» к чужим у относящих себя к средним слоям (т. е. у основной части населения) переходит в «страх» у «низших» и «раздражение» – у «высших», в какой-то степени соблюдающих рамки приличия и сдерживания. Более обеспеченных отличает склонность к рационализации репрессивных действий исполнительных властей по ограждению основного населения от мигрантов.

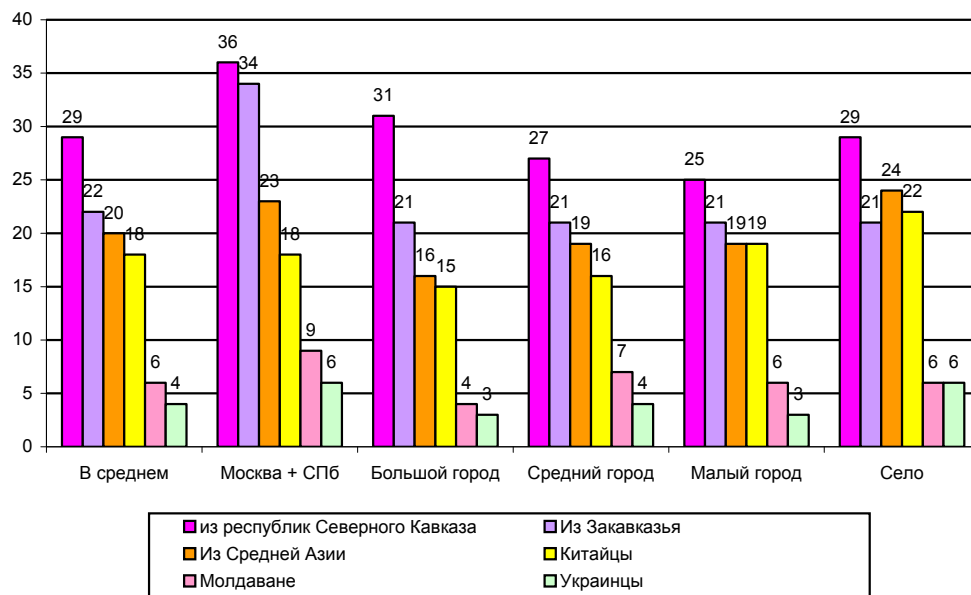
Природа ксенофобии не сводится или не исчерпывается теми причинами, которыми обычно официальные лица, а за ними и обыватель, объясняют общераспространенное негативное отношение к приезжим. Причины ее глубже, они лежат в том, что в кризисной ситуации ущемленное сознание людей нуждается в полагании кого-то, кому жить должно быть хуже, чем им самим. Отсюда и «этологическое» требование агрессивного преследования этих «стоящих ниже по рангу». Не удивительно поэтому, что ни одна из кажущихся «рациональными» причин не набирает столько, сколько безосновная латентная неприязнь, возрастающая от центров социальной жизни к ее периферии. Акценты делаются сильнее на краях социального поля, в столицах и селе, но колебания в целом незначительны (рис. 16).

Июнь 2005 г., N=1600, без затруднившихся ответить

Рис. 16 **Общее отношение к мигрантам** (в % к числу опрошенных)

Еще меньше фиксируется позитивных установок в отношении не мигрантов вообще, а молдаван, «кавказцев», китайцев или выходцев из среднеазиатских стран, т. е. всех «чужих».

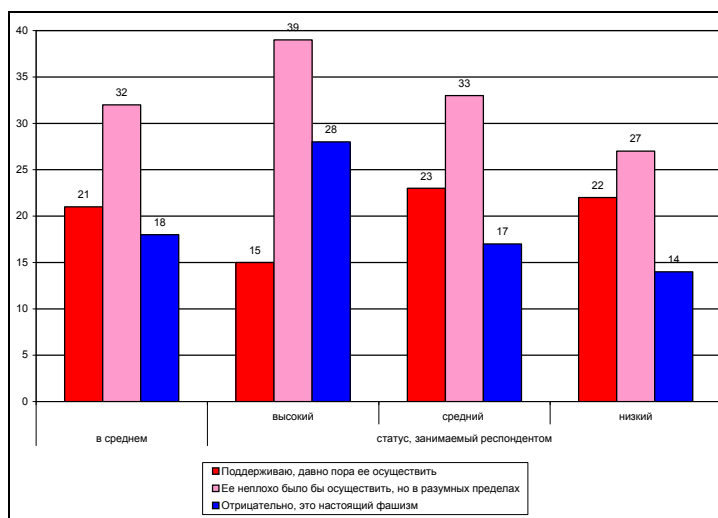
Июль 2005 г., N=2107

Рис. 17 Распределение ответов «Приезжие вызывают недоверие и страх» в зависимости от урбанизационной переменной (в % к числу опрошенных)

Отметим, что в селе, т. е. в среде относительно замкнутой и косной в социальном и культурном плане, и в столицах, где, напротив, степень многообразия максимальна, отношение даже к украинцам и молдаванам становится более негативным, чем в больших и средних городах. Приезжие у местного населения не вызывают интереса (хотя бы меркантильного, несмотря на то, что их услуги, в сравнении с услугами местной рабочей силы, стоят гораздо дешевле, а качество работы зачастую выше), скорее – страх и недоверие. Но сильнее всего негативизм проявляется в отношении кавказцев (в первую очередь из республик Северного Кавказа), причем уровень неприязни растет пропорционально величине города.

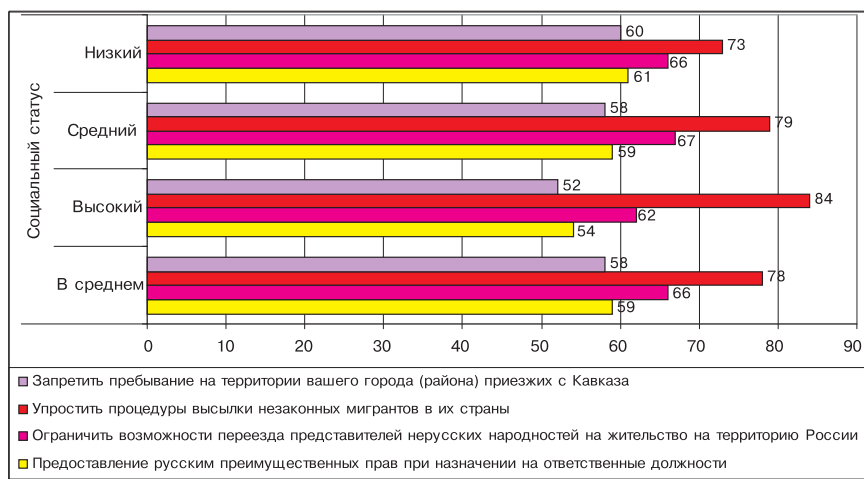
Выше уже говорилось о росте числа сторонников лозунга «Россия для русских». На рис. 18 видна связь между числом сторонников этого лозунга среди респондентов и их социальным статусом. Хотя более агрессивные формы проявляют низы и средние слои (22% и 23%), общий вес ксенофобии и изоляционизма оказывается больше в группах, занимающих статусно высокие и средние позиции (у относящих себя к «высоким» стратам – 54%, у средних – 56, у низких – 49%), главным образом за счет использования более умеренных, респектабельных и «рациональных» форм выражения по сути ксенофобских и расистских взглядов. Правда, у высокостатусных респондентов гораздо выше и неприятие этого лозунга, или, другими словами, в среде людей, занимающих

высокие социальные позиции, идеологические установки имеют более дифференцированный вид: в этих подгруппах одновременно сильнее выражены прямо противоположные точки зрения (доля тех, кто полагает, что «подобный лозунг – настоящий фашизм», составляет 28%, что вдвое больше, чем у низовых слоев и групп, вообще-то не имеющих особой потребности в подобном идеологическом самовыражении). Доля индифферентных («меня это не интересует») к этим вопросам у относящих себя к людям, находящимся на высоких социальных позициях, составляет в сумме 31%, на средних ступеньках социальной лестнице – 41%, на нижних – 48%.

Октябрь 2002 г., N=1600

Рис. 18 Как Вы относитесь к идее «Россия для русских?» (основные ответы, в % к числу опрошенных)

Октябрь 2002 г., N=1600

Рис. 19 Доля тех, кто одобрил бы принятие следующих мер... (в % к числу опрошенных в каждой группе)

Не слишком велики и различия мнений по поводу запретительно-репрессивных мер в отношении приезжих. Респонденты с высоким социальным статусом несколько реже поддерживают предложения о предоставлении русским преимущественных прав при назначении на ответственные должности или о запрете пребывания на территории данного района или города приезжих с Кавказа, но зато чаще высказываются в пользу упрощения процедуры высылки нелегальных мигрантов (рис. 9).

Как к нам прислушиваются наши политики?

Распределение разных мотивов поддержки лозунга «Россия для русских» среди избирателей разных партий или неголосующих достаточно ожидаемо: мягкие варианты кажутся предпочтительными для сторонников проправительственных и псевдо-оппозиционных партий, более жесткие варианты чаще выбирают сторонники КПРФ, ЛДПР и предпочитающие голосовать «против всех» (табл. 3).

Таблица 3. Распределение мотивов поддержки лозунга «Россия для русских» в электоратах различных партий (в % к числу опрошенных сторонников партий)

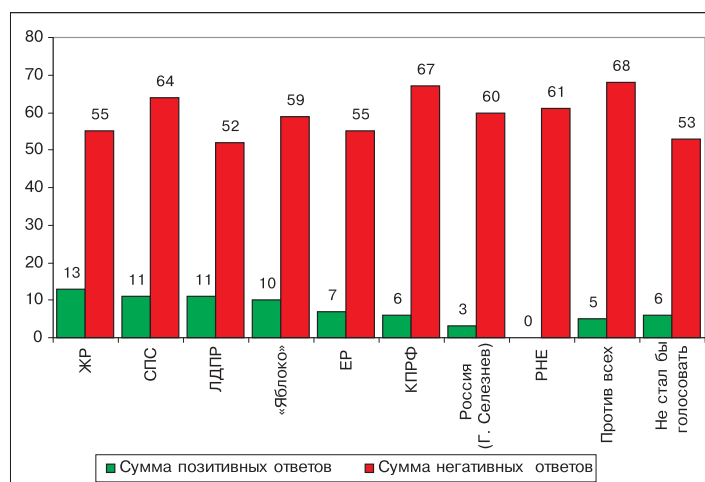
	Варианты ответов					
	1. Господ- держка ...	2. Админи- стративный контроль...	3. Ограни- чения в про- живании...	4. Высе- ление...	5. Запрет на работу в гос- аппарате...	6. Преиму- щества для русских...
В среднем	47	31	31	21	25	37
КПРФ	36	22	46	32	31	17
«Единая Россия»	53	43	25	25	23	18
ЛДПР	56	43	31	42	26	23
«Родина»	53	38	26	21	24	15
Против всех	51	36	28	34	24	21
Не будут голосовать	40	41	33	43	21	25
Не знают за кого	48	39	28	27	25	25
Не знаю, буду или нет голосовать	46	31	33	25	33	25

* Полная формулировка ответов:

1. Государственная поддержка русской культуры, национальных традиций.
2. Административный контроль за действиями нерусских, которые высказывают враждебность к традициям и ценностям русского народа.
3. Ограничения в проживании нерусских в городах на территории России.
4. Выселение нерусских (кавказцев китайцев и др.) с исконных русских территорий.
5. Запрет для нерусских занимать ответственные должности в правительстве, ГД, СФ, Администрации президента, руководстве.
6. Преимущества для русских при занятии государственных и других руководящих должностей, при поступлении в институты.

Если обратиться к более ранним замерам, то окажется, что в прошлом распределение ксенофобских мнений и поддержка лозунга «Россия для русских» было гораздо более поляризованным. В 1991–1993 гг. ксенофобия была тесно

связана с партийными предпочтениями: наиболее толерантными были партии, которые на тот момент считались «демократическими», – «Демократический выбор России» и «Яблоко», наиболее ксенофобскими и агрессивными – КПРФ и ЛДПР. Но уже к концу 1990-х годов эти различия стали стираться, образуя общую серую массу партийно-недифференцированных избирателей, готовых поддержать тех, кто сегодня стоит у власти. После победы путинского режима различия постепенно сошли на нет. На вопрос: «*Какие чувства вы испытываете по отношению к выходцам из южных республик, проживающим в вашем городе, районе?*» – различия между партиями в этом плане уже начинали стираться (рис. 20).

Июль 2002 г., N=1600, ранжировано по позитивным установкам

Рис. 20 Отношение к мигрантам в электоратах политических партий (в % к числу опрошенных)

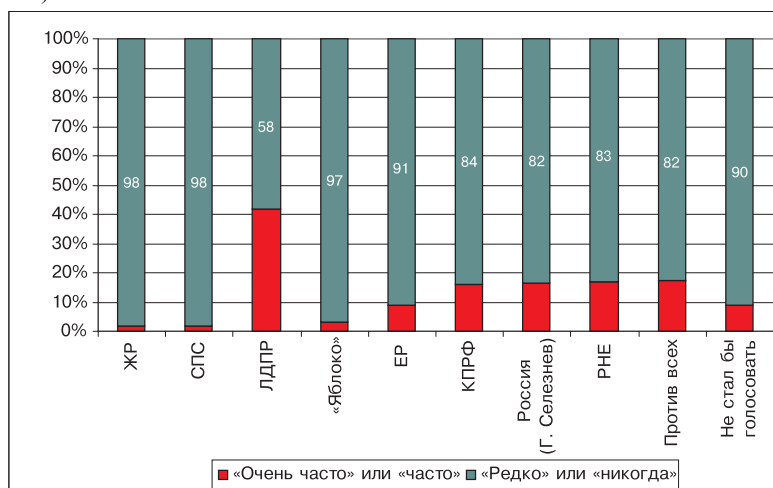

Рис. 21 Испытываете ли Вы в настоящее время враждебность к людям других национальностей? (в % к числу опрошенных, июль 2002 г., N=1600)

На таком фоне была заметна лишь выраженная агрессивная риторика, характерная для ЛДПР и в меньшей степени для КПРФ или РНЕ (рис. 21). Подчеркнем – не общая диффузная или неопределенная антипатия, а именно акцентированная неприязнь и именно агрессивно демонстративные установки в отношении чужих:

В декабре 2002 г. (N=1600) партийные предпочтения тех, кто разделял лозунг «Россия для русских», выглядели следующим образом: среди сторонников «Яблока» его поддерживали 41%, ЕР – 49%, среди «аграриев» и «Женщин России» – по 59%, жириновцев – 64%, коммунистов – 65%, сторонников СПС – 72%. Подчеркнем, что относительно меньшее число шовинистов среди приверженцев Явлинского и проправительственной ЕР объясняется не только тем, что здесь заметно большее число противников такого программного курса (37% и 31%, в полтора раза больше, чем у сторонников прочих партий: 21–22%), но и довольно значительное число не задумывавшихся над этими вопросами (11–12%, при 3–5% у прочих).

Интересно распределение по политическим пристрастиям и предпочтениям охранительно-запретительных установок (табл. 4).

Таблица 4. Распределения охранительных установок среди избирателей основных партий*

Вопрос: Согласны ли Вы с тем, что на территории РФ надо...

Готовы поддержать на ближайших выборах ...	КПРФ	ЕР	СПС	«Яблоко»	ЛДПР	Против всех	Не голосовали
в среднем	17	18	6	5	3	7	15
<i>...запретить заниматься бизнесом</i>							
Кавказцам	23	15	7	4	5	10	10
Азиатам (китайцам, вьетнамцам)	22	15	7	3	6	9	9
Всем негражданам РФ	21	15	4	5	5	10	16
<i>...запретить занимать посты в государственных органах</i>							
Кавказцам	17	19	6	5	6	9	14
Мусульманам	22	18	6	3	5	9	11
Неправославным	16	29	3	3	4	8	17
Евреям	35	22	2	3	5	10	6

*Всего готовы участвовать в выборах за эти партии или против всех – 56% опрошенных, сторонники мелких партий или затрудняющихся с ответом не приводятся (2003 г., N=1600)

Выше среднего готовность запрещать предпринимательскую деятельность или работать на важных постах в государственных учреждениях и ведомствах отмечается у сторонников КПРФ (особенно сильны здесь рутинные, поскольку они идут еще от сталинского времени борьбы с космополитизмом, антисемитские настроения по отношению к работе евреев в государственных учреждениях, правительстве и связанных с ним организациях). Для «средней массы» (фактически – социально-политического болота) менее характерны установки на

запрет предпринимательской деятельностью, и в большей степени – работы в госструктурах для выходцев с Кавказа, евреям, всем неправославным (!) и т. п. Избиратели других партий в этом плане не отличаются от основной массы неголосующих.

Заключение

Нет ни одного современного общества, которое не знало бы ксенофобии и не переживало бы время от времени острых всплесков агрессии в отношении своих «чужих». Отсутствие барьеров между теми, кто считается большинством населения «нашими» и «не нашими», равнодушие, апатия или слабость отталкивания от чужого (или, напротив, привлекательность чужого) означали бы предельную атрофию социальных связей, аморфность отношений социальной и этнической солидарности, неразличимость близкого и дальнего, важного и неважного. Представить себе такую аномическую ситуацию крайне трудно, если вообще возможно. Общество без ксенофобии – это утопия абсолютно закрытого и изолированного островного сообщества, что-то вроде жизни племени, вытесненного в глухие леса или заброшенного на удаленное горное плато, не знающего дороги к своим соседям.

Однако масштабы ксенофобии, ее роль в жизни общества могут быть очень разными. Формирование национальных обществ, возникших в ходе разложения традиционных империй в Европе, создало новые условия межэтнического взаимодействия, вызвало к жизни национальные идеологии (различные версии национализма), в основе которых лежат обобщенные, универсалистские представления об органической «массе народа», имеющего общее происхождение и судьбу, общие интересы и ценности, присущие всем жителям страны, ее гражданам или подданным, вне зависимости от места рождения, положения в социальной иерархии, образования, т. е. интегрируют социальные группы, прежде разделенные сословными, территориальными и этно-локальными границами.

Принципиальные различия в типах национальных идеологий обусловлены характером социальных групп, которые вносят и утверждают эти идеологии, их интересами, институциональными рамками действия, обеспечивающими или не обеспечивающими этим группам соответствующее их интересам положение.

Одно дело эмансипационный потенциал национализма, направленный против доминирования имперских или традиционно абсолютистских властных институтов, когда национальные идеологии включают в себя ряд модернизационных идеологем и принципов (правового государства, прав и свобод человека). Другое дело, как это было в России (в конце XIX – начале XX в., или уже при Брежнев, в начале 1970-х годов, или, наконец, в момент краха советской системы и СССР, в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов), когда национализм возникает внутри империи, как реакция одной из фракций бюрократии, оттесненной от ключевых позиций в структурах власти, на идущие или предполагаемые, намечаемые (их более влиятельными оппонентами) реформы и изменения политической и экономической организации общества и власти.

В этих случаях националистические настроения возникают как контрмодернизационные движения, как стремление законсервировать определенное положение

ние вещей и, соответственно, нейтрализовать или блокировать неизбежные изменения, могущие затрагивать их интересы. При этом имеет место усиление или «идейная» проработка старых этнических предрассудков и массовых фобий, «встраивание» их в более или менее упорядоченную систему консервативной защиты позиций и интересов тех, кто претендует на представительство всего целого.

При этом не имеет значения, какие именно конкретные фобии актуализируются в данный момент. Интенсивность выражения конкретных фобий и агрессивных установок по отношению к чужим может меняться под влиянием внешних событий или обстоятельств.

В России сейчас список фобий, составляемый по результатам социологических опросов населения, возглавляют (после начала первой чеченской войны) чеченцы и представители других северокавказских народов, жители или приезжие из Закавказья, цыгане (уровень антипатий по отношению к представителям этих этнических групп составляет 40–45% от всей массы населения, достигая в некоторых случаях максимальных значений – как в отношении к чеченцам в последние годы – 50–55% и выше), тогда как артикулированная неприязнь к таким этническим группам, как евреи, эстонцы или татары, не превышает 15–20% всего населения [Гудков 2004].

Однако если конкретные фобии меняются, то смысл и структура мифологии «чужого» остается неизменной. Ее важнейшим элементом следует считать «беспочвенность» пришлых (отсутствие у них «корней»). Такое определение приезжих, или, точнее – их дисквалификация, означает одновременное с этим утверждение, *легитимацию* претензий большинства на какие-то полагающиеся им по праву рождения или длительности срока проживания привилегии, которые не должны распространяться на «неместных», заявку прав на подобающие социальные позиции или занятия. Именно отсюда берут начало обвинения мигрантов в «торговой экспансии», «эксплуатации местного населения», в незаконности их пребывания в данном месте, криминальности, порочности, распущенности, пренебрежении традиционными нормами поведения и уважения к культуре коренного населения.

Парадокс заключается в том, что мигранты занимают те социальные позиции и играют те роли, которые местное население считает непрестижными, неодобряемыми, по меньшей мере – амбивалентными или сомнительными. Однако, вопреки этим оценкам и мнениям, именно они обеспечивают мигрантам явный успех, т. е. достижение тех благ, которые расцениваются как недоступные для основной массы местного населения. «Коренное население» (при всей условности и исторической бессмысленности этого понятия) оказывалось «неспособным» на этот успех, поскольку используемые мигрантами социальные средства (социальность, услужливость, работоспособность, желание пробиться, быть признанным в этом обществе, готовность идти навстречу, ценимые в «рыночной системе» человеческие качества) неприемлемы для местных, так как затрагивают сложившиеся (в нашем случае – за время советской власти) антропологические стереотипы поведения, распределение профессиональных ролей, деление работы на допустимые, престижные и недопустимые или мало уважаемые, долгое время официально считавшиеся чуть ли не позорными (торговлю, ремесла, частное предпринимательство).

Тем самым противоречия «местных и пришлых» получают более глубокий смысл конфликта ценностей. Реальный или мнимый успех приезжих затрагивает традиционные образы и структуры самоидентификации населения (главным образом, идеализированные, мифические или ностальгические представления о самих себе как патриархально-общинных коллективах с присущими им укладом жизни, нормами морали, религии). Особое раздражение при этом вызывает то, что «пришлые» разрушают стереотипы социального порядка – бывшие социальные «парии», жители отсталой периферии, занимавшие низшие социальные позиции, внезапно становятся, по крайней мере, равными или такими же, что и «коренные жители». Тем самым нарушается привычная социальная иерархия этносословного общества, воспринимавшаяся как должное, когда бедное и ущемленное население центральных областей империи считало себя более достойным, нежели жителей колониальных окраин или подчиненных стран. Иначе говоря, за кажущимися «современными» формами социальной жизни проступают черты гораздо более архаического и примитивного социального порядка, оказывающиеся скорее ближе к XVI в., нежели к реальности строя нынешней Европы.

Литература

- Гудков Л. Динамика ксенофобии в постсоветской России // Вестник Института Кеннана в России. 2002. Вып. 1.
- Гудков Л. Антисемитизм и ксенофобия в постсоветской России // Негативная идентичность. М., 2004.
- Гудков Л.Д. Динамика этнических стереотипов (сравнение замеров 1989 и 1994 гг.) // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995а. № 2.
- Гудков Л.Д. Этнические стереотипы населения: сравнение двух замеров // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995б. № 3.
- Гудков Л.Д. Этнические фобии в структуре национальной идентификации // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 5.
- Гудков Л.Д. Динамика этнофобий в меняющейся России // Релятивистская теория наций: новый подход к исследованию этнополитической динамики России. М., 1998.
- Дубин Б. Россия и соседи: проблемы взаимопонимания // Вестник общественного мнения. 2005. № 1.
- Мукомель В. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М.: ИС РАН, 2005.

Приложение. Источники в Интернете по теме статьи

- Арутюнян Ю. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе
<http://demoscope.ru/weekly/2005/0203/analit04.php>
- Бадьшитова И. Истоки интолерантности россиян к мигрантам
<http://demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit04.php>
- Богданова Л. Социально-географическая оценка результатов этнической миграции (к вопросу о социальной адаптации этнических мигрантов на примере Тверской области) <http://demoscope.ru/weekly/2004/0177/analit02.php>

- Вендина О.* Москва этническая: грозит ли городу геттоизация?
<http://demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema01.php>
- Гриценко В.* Мигранты и наркотики: исследование в Саратовской области
<http://demoscope.ru/weekly/2003/0111/analit04.php>
- Дерябина С.* Россия и опыт мультикультурализма: за и против
<http://demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit03.php>
- Из всех российских фобий сильнейшая – кавказская
<http://demoscope.ru/weekly/2005/0203/analit03.php>
- Карпенко О.* Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997–1999 гг. <http://demoscope.ru/weekly/2003/0111/analit02.php>
- Котельников В.* «Крепость Европа» в новую эпоху переселения народов
<http://demoscope.ru/weekly/2004/0153/analit04.php>
- Леонова А.* Мигрантофобия и ксенофобия: срез общественных настроений
<http://demoscope.ru/weekly/2005/0203/tema01.php>
- Малахов В.* Зачем России мультикультурализм?
<http://demoscope.ru/weekly/2004/0151/analit04.php>
- Мкртчян Н.* Грозит ли Западу «смерть»?
<http://demoscope.ru/weekly/2003/0139/analit04.php>
- Мкртчян Н.* Миграция и средства массовой информации: реальные и мнимые угрозы
<http://demoscope.ru/weekly/2004/0179/analit05.php>
- Мукомель В.* Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии)
<http://demoscope.ru/weekly/2005/0203/analit01.php>
- Мукомель В.* Российские дискурсы о миграции
<http://demoscope.ru/weekly/2004/0179/tema01.php>
- Паин Э.* Ксенофобия – экстремизм – терроризм
<http://demoscope.ru/weekly/2005/0203/analit02.php>
- Паин Э.* Этническое лицо контрабанды наркотиков
<http://demoscope.ru/weekly/2003/0111/tema01.php>
- Паин Э.* Этнополитический экстремизм в России: социально-культурные истоки и причины неэффективности принимаемых мер противодействия
<http://demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit01.php>
- Пешкова В.* Контент-анализ прессы Московского мегаполиса об азербайджанской общине <http://demoscope.ru/weekly/2004/0179/analit04.php>
- Пядухов Г.* Преступность среди этнических групп внешних мигрантов
<http://demoscope.ru/weekly/2003/0111/analit03.php>
- Способствует ли миграция росту этнофобий?
<http://demoscope.ru/weekly/2004/0179/analit02.php>
- Стельмах В.* Москва: «маленький» Кавказ – большие проблемы
<http://demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit05.php>
- Титов В.* О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы)
<http://demoscope.ru/weekly/2004/0179/analit03.php>
- Тишков В.* После многонациональности
<http://demoscope.ru/weekly/2003/0111/analit01.php>
- Тишков В.* Социально-политический и культурный смысл антимиграционизма
<http://demoscope.ru/weekly/2004/0179/analit01.php>
- Щедрина О.* Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России?
<http://demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit02.php>